

ТОТАЛИТАРИЗМ И ТОТАЛИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ

8
ВЫПУСК

Март 2010

Кривяков С.В.

ГОТОВНОСТЬ К ДЕМОКРАТИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Мне вчера дали свободу -
Что я с ней делать буду?!

В.С. Высоцкий

В начале 90-х годов целый ряд исследователей [4,5,7] обратили внимание на то, что процесс реформирования российского общества носит ярко выраженный циклический характер. Начиная с преобразований Петра I, достаточно глубокие реформы проводились правителями России с периодичностью около 50 лет. Так, после Петровских реформ, реформы Екатерины II последовали в 60-е годы XVIII века, затем были реформы Сперанского (первое десятилетие XIX века), великие реформы Александра II (60-е годы XIX века), Столыпинские реформы (10-е годы XX века), затем Хрущевская оттепель 60-х годов. Эти же исследователи отметили, что после одного или двух десятилетий реформ всегда наступал период контрреформирования: аракчеевщина, правление Александра III, большевистский террор, период застоя. Все реформы основной целью имели модернизацию общества, при этом со временем в них все явственней начала просматриваться либеральная, демократизаторская составляющая. Контрреформы, в свою очередь, возвращали страну в более авторитарное состояние.

Реформы 90-х годов XX века хронологически выбиваются из этого исторического ряда: они наступили через 30 лет после Хрущевской оттепели. Это обстоятельство, а также крайняя «изношенность» тоталитарного советского государства с одной стороны, и глубина изменений, произведенных в жизни общества, с другой, породили робкую надежду, что периода контрреформ на этот раз не будет. Но он наступил.

Сегодня уже совершенно ясно, что первое десятилетие XXI века стало классическим для российской истории периодом «коррекции» произведенных демократических преобразований. Главным, по крайней мере, наиболее явным действующим лицом этого процесса стал В.В. Путин. Из выступлений недавнего президента и самого влиятельного политика нашей страны становится очевидным, что он совершенно искренне считает именно своей прямой обязанностью продолжение некоего процесса «реформирования» сложившейся системы управления. Этот процесс должен вернуть государству роль ведущей, а в некоторых областях и господствующей силы, призван, по его мнению, привести к возрождению России в качестве супердержавы. В русле данных тенденций лежит, в частности, и создание несменяемой массовой правящей партии, назначением которой является обеспечение политического сопровождения

в центре - деятельности президента и правительства, а на местах - деятельности контролируемых из центра местных администраций.

В то же время не менее очевидно, что данное представление о месте, устройстве и роли государства, а также полномочиях его высших представителей разделяет как большая часть действующих политиков и чиновников высшего эшелона власти, так и основная масса российских граждан. Об этом ярче всего говорит то, каковы причины, порождающие более или менее широкие протесты населения. Как правило, это реальное или предполагаемое снижение уровня доходов (всевозможные реформы ЖКХ, пенсионной системы, налогообложения, системы взимания пошлин и т.п.) или произвол представителей власти, прежде всего, милиции и местных чиновников. В то же время, ни отмена выборности глав субъектов федерации, ни целенаправленное вытеснение демократических партий из реального политического процесса, ни явно управляемый характер выборов на всех уровнях не породили серьезных выступлений народных масс. Так, согласно исследованиям Аналитического центра Юрия Левады, деятельность В.А. Медведева на посту президента РФ в февраля 2009 года одобрял 71 % населения России, деятельность В.В. Путина на посту премьер-министра - 78 % населения. Накануне выборов в Государственную думу в ноябре 2007 года за «Единую Россию» собиралось голосовать 66 % граждан, намеренных принять участие в выборах [3].

Все это приводит к достаточно простому выводу: сегодняшние, а вполне возможно, что и предшествующие контрреформы не являются реакцией правящей элиты на уменьшение концентрации власти в ее руках. Контрреформы являются ответом власти на требования широких масс «навести порядок» в условиях, когда они оказываются не способными воспользоваться предоставляемыми им возможностями принять участие в управлении страной. Вместо них возможностями, порождаемыми демократией, начинают активно пользоваться разного рода и уровня авантюристы. Что, естественно, вызывает возмущение народа и требование к власти навести порядок.

Параллельно с усилением роли государства в политической сфере, в экономике вновь укрепляется отчасти демонтированный в 90-е годы государственный сектор. Однако этот процесс идет в нашей стране весьма самобытно. Фактически правящая элита пошла по пути создания государственных монополий в отраслях, непосредственно обслуживающих само государство. Наиболее известной и сформировавшейся монополией является РАО Газпром. Казалось бы, рынок газа призван обслуживать граждан и фирмы, а отнюдь не государство. Однако в условиях падения реальных дипломатических и военных возможностей нашей страны, поставки газа из России в европейские и некоторые азиатские страны стали мощным и разнообразным оружием давления на наших оппонентов,

наиболее весомым аргументом в различного рода межгосударственных спорах и конфликтах. Именно эта зависимость европейских соседей от российского газа при гораздо меньшей зависимости от российской нефти предопределила то, что в отраслях-сестрах – газовой и нефтяной – в России сложилась совершенно разная конкурентная ситуация. В газовой была создана административная (а отнюдь не естественная) монополия, а в нефтяной – олигополия, то есть конкуренция между небольшим числом крупных фирм. Однако в период правления В.В. Путина государство постепенно начало восстанавливать свои позиции и в нефтяной области, которая играет весьма важную роль в обеспечении финансовой стабильности и благополучия российской экономики. Насколько известно автору, активы разрушаемых частных нефтедобывающих компаний, например, ЮКОСа, были приобретены компаниями, преимущественно напрямую контролируемые государством, а не частными, фирмами.

Государство создает единую авиастроительную компанию, обнародованы планы создания единой государственной судостроительной компании, фактическая самостоятельность крупных фирм в космической области сменилась возвращением к системе государственного финансирования и государственного управления. Под контролем государства остается ядерная энергетика и оборонная промышленность. Уже практически утверждены планы создания российской «силиконовой долины» в ближнем Подмосковье. Явно бюрократический характер этого процесса, а также многочисленные уголовные дела против ученых, вынужденных самостоятельно искать и находить покупателей прикладных научных разработок, говорят о желании государства вернуть себе контроль и над НИОКР. Нельзя не заметить, что все эти сферы и отрасли лежат в области жизненных интересов государства. Что же касается «гражданских» производств, то здесь внимания и опеки государства существенно меньше, чем хотелось бы фирмам. Так, система поддержки малого бизнеса на практике не дает ему необходимой помощи, о чем говорит весьма небольшое число малых фирм – менее 1,5 миллионов (для сравнения, в США их более 20 миллионов) [6]. Система стимулов для компаний, финансирующих НИОКР и развивающих современные наукоемкие производства, также либо отсутствует, либо не работает, о чем свидетельствует доля высокотехнологичного экспорта в поставляемой за рубеж промышленной продукции, в 2007 году она составляла 7 % [1]. А по степени инновационности российская экономика делит места с 49 по 51 с такими странами как Уругвай и Маврикий [2]. Также трудно упрекнуть российское государство в перефинансировании социальной сферы.

Таким образом, налицо стремление сегодняшних российских политиков создать мощную централизованную и не зависящую от основной массы населения государственную машину и подвести под нее крепкий экономический фундамент в виде государственного сектора в

жизненно важных для функционирования этой машины отраслях. Население в целом подобное развитие событий приветствует и одобряет. С точки зрения либерально мыслящего человека, картина безотрадная и бесперспективная.

Однако можно ли трактовать сложившееся положение столь однозначно? Демократия – это, прежде всего, развитая форма самоуправления народа. Точно так же, как и развитая рыночная экономика является сложной системой самообеспечения населения, основанной на сочетании личного интереса и социальной ответственности всех хозяйствующих субъектов, и, прежде всего, предпринимателей. Эти институты выросли и вызревали в Европе с античных времен, и, несмотря на некоторый упадок демократии и рынка в период раннего средневековья, традиции самоуправления в политической и экономической областях утрачены не были. Сегодня демократия и рыночный тип экономики глубоко укоренены в сознании и реалиях повседневной деятельности европейца. В то же время в России подобных традиций после ликвидации Новгородской и Псковской республик не было совершенно. Да и во времена Великого Новгорода большая часть Руси оставалась авторитарной во всех сферах жизни. Фактически в истории нашей страны можно выделить лишь два кратких периода доминирования демократии и рынка: с февраля по октябрь 1917 года и с сентября 1991 по декабрь 2000 года.

Таким образом, как ни неприятно это признавать, но приходится констатировать, что на сегодняшний день в России в политической и экономической областях нет внутренних предпосылок для преодоления государственного авторитаризма. Население и правящая политическая элита готовы делегировать свои управленческие полномочия сильному лидеру, а экономические свободы – более или менее заботливому государству.

Однако опыт развития в XX веке в прошлом «периферийных» стран позволяет питать некоторые надежды в плане развития демократии в России. Так, в начале 60-х годов на Тайване и в Республике Корея сложились жесткие диктаторские режимы, осуществлявшие весьма значительное, хотя и преимущественно косвенное регулирование народного хозяйства. Однако по мере развития экономики, государство в целях сохранения высоких темпов экономического роста и развития было вынуждено постепенно ослаблять вмешательство в сферу производства, предоставляя все большую роль рыночным рычагам и регуляторам. Затем наступила очередь и политических режимов, которые в обеих странах значительно либерализовались. В настоящее время можно говорить о том, что и Тайвань, и Республика Корея являются демократическими государствами, уровень авторитаризма здесь, пожалуй, вряд ли существенно выше, чем, например, в Японии.

Подобные процессы протекали и в наиболее развитых странах Латинской Америки – Чили, Аргентине, Бразилии и Мексике, причем демократизация общества в них еще далеко не закончена. Очевидной является также постепенная либерализация политической сферы в КНР и Индии, хотя здесь эти процессы протекают гораздо медленнее. Нельзя не отметить, что все вышеназванные страны не имели к моменту начала преобразований традиций демократии ни в политике, ни в экономике.

Таким образом, нет ничего удивительного в том, что Россия фактически отвернулась от либеральных ценностей после 90-х годов, которые для большинства народа ассоциируются не с формированием институтов рынка и демократического государства, а с теми значительными издержками, которые сопровождали эти процессы. Также нет причин считать, что демократия и рынок потеряны для нас навсегда. При более благоприятном развитии событий, укрепление российской экономики потребует со временем либерализации в обеих вышеупомянутых сферах жизни общества.

В этих условиях представляется, что роль общественно активных людей, приверженных либеральным ценностям, должна состоять, прежде всего, в раскрытии в глазах широких масс сути демократической формы правления, четкого разъяснения того, как возникающие на всех уровнях проблемы могли бы быть решены на основе самоорганизации и самоуправления, т.е. с использованием принципов гражданского общества и истинной демократии. А также в постоянном разъяснении роли 90-х годов XX века в истории России как периода, когда были созданы все те институты, которые позволяют нам сегодня укреплять экономику рыночного типа и сохранять хотя бы видимость наличия демократической формы политического и общественного устройства.

С другой стороны, существует необходимость оказывать постоянное интеллектуальное, моральное и, по возможности, политическое давление на власть с тем, чтобы вынуждать ее хотя бы отчасти прислушиваться к настроениям народа и трансформироваться в соответствии с изменением этих настроений. События политической жизни последних 2-3 лет дают основание считать, что сегодняшняя российская высшая власть все же пытается наладить постоянно действующую обратную связь с населением страны. А это оставляет надежду на то, что и государство, и общество со временем сумеют наполнить уже достаточно освоенные современные формы государственного устройства реальным демократическим содержанием.

Литература

1. <http://ddpext.worldbank.org/ext/DDPQQ/report.do?method=showReport>

2. http://www.innovationfordevelopmentreport.org/papers/ICRankings2009_10.pdf
3. <http://www.levada.ru/>
4. Афанасьев В.Н. Алгоритм социально-экономического развития: Россия на волнах истории // Вестник С-ПбУ. - сер.5: Экономика. - 1994. - №3. - С. 8-16.
5. Ноздрань Н. Трансформация российской экономики как циклический процесс // Вопросы экономики. - 1996. - №10. - с.103-116.
6. Минэкономразвития ожидает, что Россия к 2012 г приблизится к общемировому показателю по доле граждан, желающих начать собственное дело – 10 процентов // Москва, 18 мая 2009, Прайм-тасс.
7. Рязанов В.Т. К вопросу о “длинных волнах” экономических реформ в России // Вестник С-ПбУ. - сер.5 Экономика. - 1992. - №2. - С.29-44.

Шутов В.С., Шутова В.А., Резчикова Л.И.

КАЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ И МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ «ПЕРЕСТРОЙКИ» К 2010 ГОДУ

В конце XX в., в первой половине 80-х гг., в СССР завершилось то, что можно назвать «сталинской» и «послесталинской», социалистической, советской модернизацией. К указанному времени жестко проявились признаки загнивания и распада системы: она была малоподвижна и отторгала новое; в ней нарастали тенденции превращения государственной бюрократии в наследственную и смыкания её с мафиозными структурами; значительные масштабы в аппарате государства приобрела коррупция. В стране наблюдался рост преступности, алкоголизма и других асоциальных проявлений. Экономика была неэффективной и не могла обеспечить советских людей самым необходимым - жильем, качественной одеждой, едой и многим другим, в том числе – правдивой информацией, доступом к мировой культуре.

Выход из положения руководство СССР (политическая элита) находило в том, что некоторые самые острые проблемы решались за счет невозполнимых ресурсов - нефти, газа, золота и т.п. В многонациональном государстве нарастали новые и обострялись старые противоречия. Все это вылилось в глубокий системный кризис, охвативший все сферы жизни общества. Жизненно важным стал вопрос обновления, модернизации, реформ. И попытка таких реформ состоялась.

Вторая половина 80-х годов – это как раз время реформ сверху, период «перестройки», которая рассматривалась реформаторами в коммунистической партии в качестве стратегии выхода из системного кризиса и которая проводилась авторитарно-бюрократическими методами. «Перестройка» провалились. Снижение уровня жизни, товарный дефицит,